

Иллюстрации
Майкла Формана

СКАЗКИ

ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ

НОЧИ

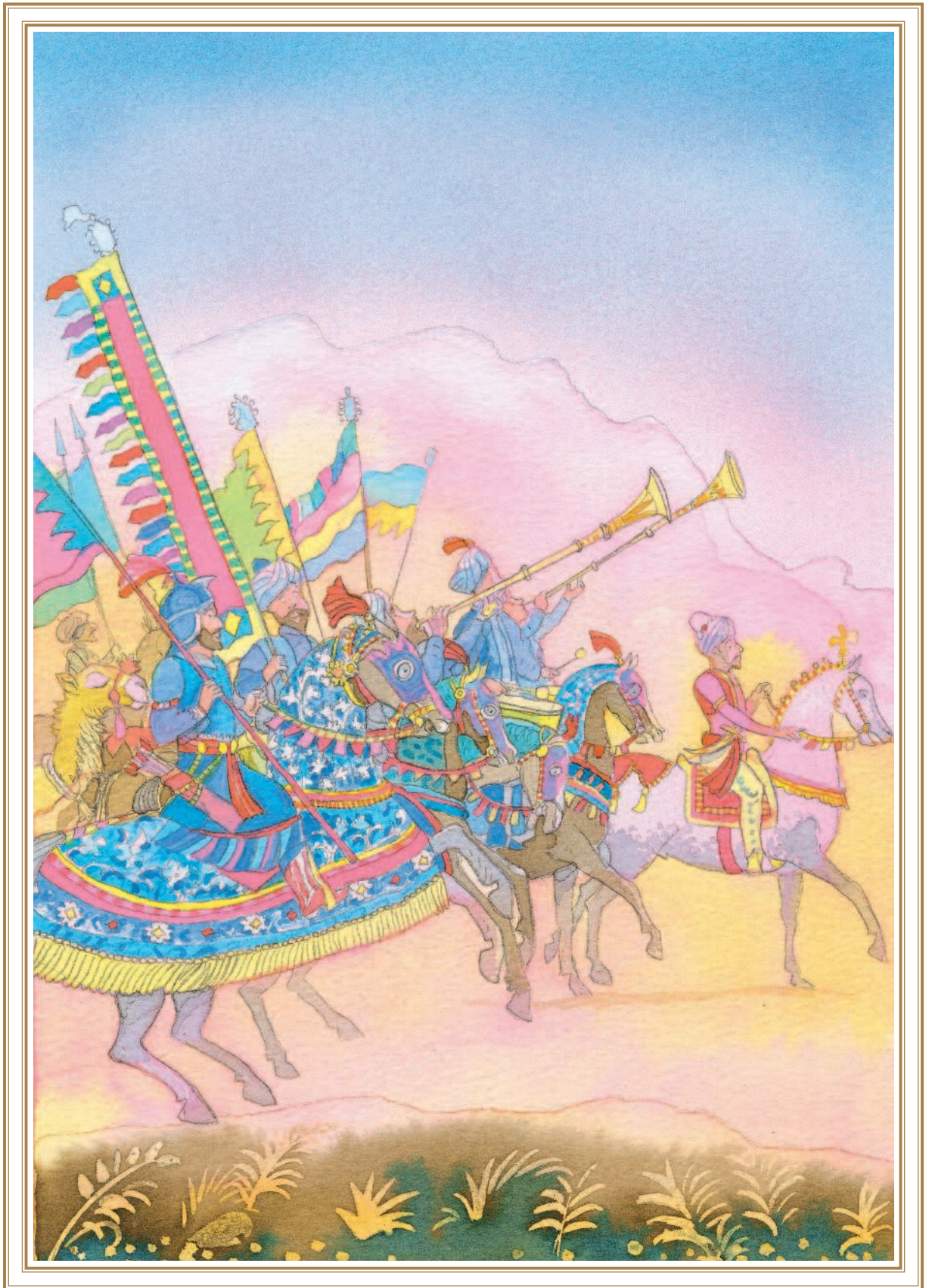
Москва

2016

*Во имя
Аллаха, Милостивого,
Милосердного!
Хвала Милосердному Аллаху,
Творцу Вселенной,
Повелителю трёх миров,
который возвёл
небесную твердь без опор
и расстелил Землю как ложе.
Мир и благословение Аллаха
Его рабу
и посланнику Мухаммеду,
да живет и славится
его имя до Дня воздаяния!*

ДВА ЦАРЯ, ШАХ ШАХРИЯР И ШАХ ЗЕМАН, И ДОЧЬ ВИЗИРЯ ШАХЕРЕЗАДА

В далёком прошлом, в давние времена один великий царь правил всеми землями Аравии и Персии до самых берегов Индии. После смерти царя эти владения достались двум его сыновьям, Шахрияру и Земану. Братья были близки, как две половинки ореха в одной скорлупе, поэтому они поделили своё наследство поровну: Шахрияр стал царём западных земель и построил себе дворец в Багдаде, а Земан сделался царём восточных земель с дворцом в Самарканде.

Много лет братья правили своими царствами справедливо и милосердно, пока однажды шаха Шахрияра не одолела тоска по шаху Земану. Желая увидеться с ним, Шахрияр призвал к себе главного министра — визиря — и повелел приготовить к путешествию в царство брата большой караван. Верблюдов и лошадей навьючили щедрыми подарками — шелками и драгоценностями, собрали белокожих и темнокожих невольников, несущих драгоценные масла и сладости. С ними визирь отправился в путь, увозя письмо, полное ласковых слов, в котором шах Шахрияр приглашал шаха Земана посетить Багдад, обещая встретить его как дорогого гостя.

Всё шло так, как и задумал шах Шахрияр. Визирь с караваном лошадей, верблюдов и невольников доставил письмо шаху Земану, и после пиршеств, продолжавшихся неделю, шах Земан повелел готовить караван, чтобы отправиться в гости к брату. Гружённый бесчисленными гарами из золота и слоновой кости, роскошными коврами и парчовыми занавесями, караван наконец собрался и под прощальные возгласы жите-

лей Самарканда покинул город через большие ворота. В первую ночь он встал лагерем в пределах видимости городских стен.

Так уж случилось, что среди ночи шах Земан проснулся в своём шатре и вспомнил, что оставил у себя в дворцовых покоях огромный рубин, который хотел преподнести в дар брату. Не говоря никому ни слова, шах Земан поднялся и поспешил обратно в город, где проник во дворец через боковой вход и по потайной лестнице поднялся в свои покои. Но, едва открыв дверь в них, он, к своему ужасу, увидел собственную жену спящей в объятиях великана-невольника на ложе, устланном коврами.

«О Аллах! — мысленно воскликнул шах Земан. — Как могло случиться такое, ведь караван ещё виден с городских стен! И если так, что ещё может произойти здесь, пока я в гостях у брата?» В ярости и скорби он выхватил ятаган и одним ударом рассек спящих любовников на четыре части. Потом он достал забытый рубин из тайника и вернулся в лагерь так же незаметно, как и покинул его.

В надежде и нетерпении караван продолжал свой путь через горы и пустыни в город Багдад, где его с радостью встретили и знатные господа, и простой люд, и сам шах Шахрияр вышел отворить городские ворота и с почестями проводить брата в царский дворец. Но и в пути, и во время радостной встречи шах Земан пребывал в унынии и не мог думать ни о чём, кроме погибшей любви и утраченной веры в человечество. И хотя брат задал в честь шаха Земана большой пир, первый из глинной череды пиров, и хотя поселил его в покоях, богато изукрашенных драгоценными гобеленами и коврами, с окнами, откуда открывался вид на великолепные царские сады, ничто не могло поднять угнетённый дух гостя. Его глаза потускнели, кожа пожелтела от горя, и брату ничем не удавалось порадовать его.

— Долгое путешествие утомило меня, — вот и всё, что отвечал шах Земан.

Настал день, когда шах Шахрияр собрался на большую охоту. Надеясь отвлечь брата от горестных мыслей, шах позвал его садиться верхом и присоединиться к остальным охотникам. Но шах Земан отказался, попросив позволения отдохнуть, и царь со свитой удалились, оставив гостя на попечении слуг в отведённом ему крыле дворца.

Печально блуждая из комнаты в комнату, шах Земан случайно подошёл к окошку в свинцовом переплёте, выходящему на уединённую лужайку в царском саду. Шах Земан взглянул в окно краем глаза и с удивлением увидел, что жена шаха Шахрияра, которая славилась поразительной красотой, идет через лужайку в сопровождении двадцати невольниц в накидках и покрывалах. Приблизившись к фонтану посреди лужайки, они сбросили накидки, и оказалось, что жену шаха сопровождают не только невольницы, но и невольники. Они принялись резвиться нагишом у воды,

а начальник невольничьей стражи вышел из-за ближайшего дерева и составил пару с самой женой шаха Шахрияра.

Шах Земан в изумлении наблюдал за тайными утехами царицы и её свиты. «Воистину, — сказал он себе, — вероломство и порочность человеческие простираются до самого Багдада!» — и с той поры воспрял духом. Его глаза вновь заблестели, поступь стала твёрже, и его брат, вернувшись с охоты, с удивлением и радостью заметил перемену.

— Хвала Аллаху! — воскликнул он. — Когда я уезжал, цветок был готов увянуть, но теперь, когда я вернулся, он вновь расцвёл. В чём же разгадка?

Но шах Земан помалкивал, не желая, чтобы его брат впал в такое же уныние, какое недавно постигло его самого.

Однако прошло несколько дней, а шах Шахрияр не унимался. Вновь и вновь он просил брата открыть ему причину внезапной перемены, и наконец шах Земан сдался и рассказал обо всём: о неверности его жены, о том, как он убил злополучную пару, и, наконец, о том, что жена самого шаха Шахрияра тоже неверна ему.

— О Аллах! — вскричал шах Шахрияр. — Возможно ли такое?

И он вновь велел собираться на охоту, только на этот раз брат должен был сопровождать его. На следующий день охотники отбыли. Во время первого же привала шах Шахрияр и шах Земан оставили визирей охранять шатры, под страхом смертной казни запретив впускать в них кого-либо, и тайно вернулись во дворец. На следующий день они затаились у того же окошка и увидели, как жена шаха, начальник стражи, невольницы и невольники развлекаются в сагу.

— О мой брат, воистину людям нельзя верить! — в отчаянии воскликнул шах Шахрияр. — Давай же уйдём от этих порочных мест, пойдём по миру, как нищие странники, и не вернёмся, пока не найдём того, с кем обошлись ещё более жестоко, чем с нами. И тогда гневу нашему не будет предела.

Так два шаха покинули и дворец, и привал охотников, где визири по-прежнему стояли на страже, и отправились странствовать по миру. Наконец они дошли до побережья и расположились отдохнуть в тени высокого дерева на берегу ручья, впадающего в море.

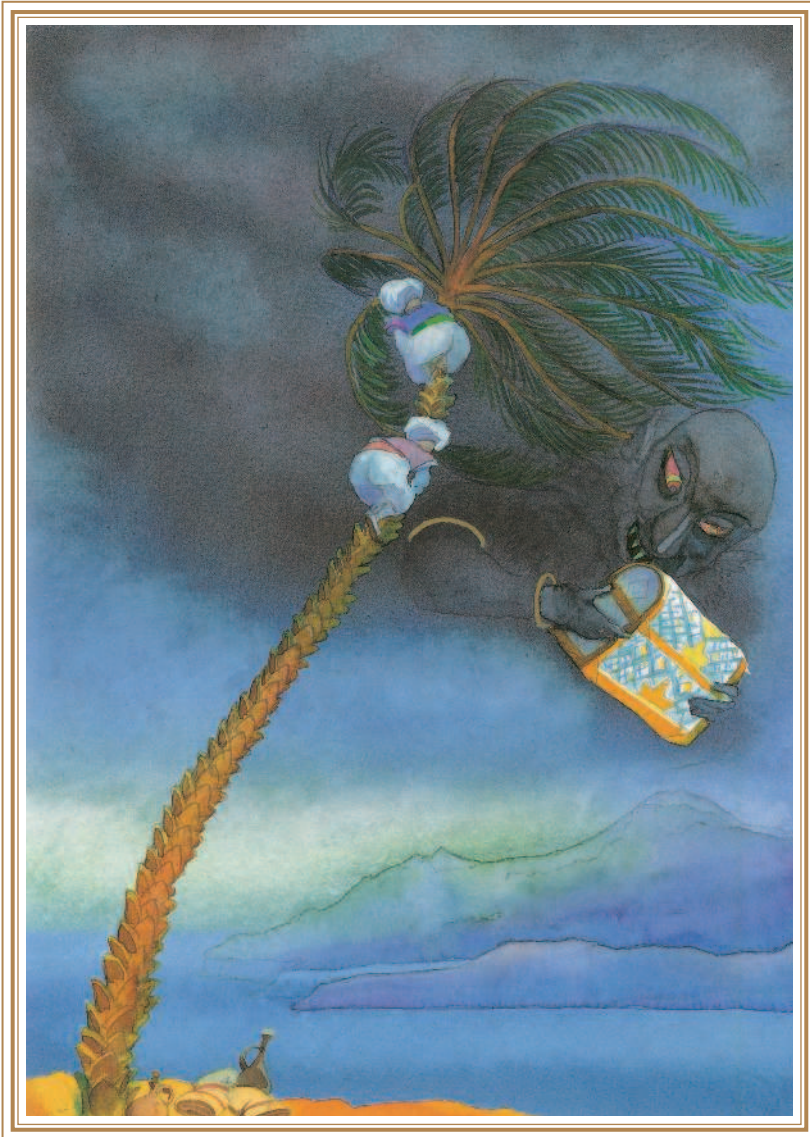
Пока они сидели под деревом, на горизонте вдруг возникла огромная туча, которая вскоре приобрела облик гигантского чёрного джина, или духа земли, несущегося к ним с воем, подобным вою тысячи ураганов. В ужасе два шаха забрались на ветки дерева, под которым сидели, и увидели, как джинн достиг побережья под деревом, неся огромный хрустальный сундук. Открыв сундук, джинн достал из него ларец с семью замками, отпер их стальным ключом, и из ларца вышла девушка прекрасней полной луны.

— Я посплю, душа моя, — сказал джинн.

Девушка села на песчаный берег, джинн положил голову к ней на колени и мгновенно уснул крепким сном. Убедившись, что он беспробудно спит, девушка повернулась к дереву и велела двум царям спускаться, пригрозив в противном случае разбудить джинна. Дрожащие от страха шах Шахрияр и его брат спустились на землю, а девушка, осторожно освободившись от головы спящего джинна, велела каждому прийти к ней, как муж приходит к жене. Тщетно они сопротивлялись и пытались спастись бегством: им не осталось ничего другого, кроме как исполнить её повеление, лишь бы она не разбудила джинна.

Добившись своего, девушка потребовала, чтобы братья отдали ей кольца власти, которые носили, и когда получила их, отошла к ларцу, вынула шнурок и показала, что на нём уже нанизано пятьсот семьдесят похожих колец.

— Знайте же, — заговорила она, присоединяя кольца братьев к остальным, — что этот джинн похитил меня ночью накануне моей свадьбы и с тех пор держит меня в ларце, запертом в хрустальном сундуке и спрятанном на дне моря, чтобы никто не мог насладиться мною, кроме его самого. Но я настолько хитра, что уже изменила ему с пятью-

стами семьюдесятью, а теперь уже с пятьюстами семьюдесятью двумя мужчинами, и вот моё доказательство. А теперь ступайте прочь, цари, пока это чудовище не пробудилось и не растерзало нас всех.

И шах Шахрияр вместе с шахом Земаном покинули джинна и его гостюху возле моря. Шах Шахрияр сказал:

— А ведь с этим джинном обошлись ещё несправедливее, чем с нами! К тому же он гораздо могущественнее, потому и унижение, постигшее его от рук этой женщины, намного страшнее. Так вернёмся же во дворец и отомстим.

И два шаха вернулись сначала в стан охотников, а потом, вместе со всей свитой, — во дворец, где шах Шахрияр распорядился сразу же предать смерти неверную жену. После этого он торжественно поклялся отныне каждый вечер брать новую жену и каждое утро убивать её, дабы отомстить за женскую неверность.

Так и повелось. Каждую ночь новую девушку торжественно вели на брачное ложе и каждый день на рассвете в покои призывали визиря, чтобы он сопровождал её на казнь, и вскоре народ возмутился против такой жестокости. Мужчины прятали дочерей или увозили их за море на чужбину, боясь, как бы их не выбрали в жёны шаху Шахрияру. Наконец настал тот день, когда визирь не смог найти для своего повелителя ни одной девушки. В городе остались лишь дочери самого визиря, Шахерезада и Дуньязада.

Шахерезада была умной девушкой, сведущей в легендах и сказках. Увидев, что её отец опечален и боится за свою жизнь, так как для царя не осталось ни единой невесты, она сказала:

— О Аллах! Отец, не печалься, отправь к шаху Шахрияру меня. Либо я выживу, либо погибну той же смертью, как и другие, но что бы ни случилось, ты сможешь лишь гордиться мною.

Сколько ни уговаривал её визирь не поступать так неразумно, Шахерезада твёрдо стояла на своём.

В глубоком горе визирь явился к шаху в тронный зал, простёрся у ног повелителя и поведал ему о намерениях своей дочери.

— Чудо из чудес! — воскликнул шах. — Как же так? Моя клятва нерушима для всех времён и всех женщин. Я не откажусь от неё даже ради дочери моего визиря!

Ибо он давно знал и любил Шахерезаду и ничуть не желал подвергать её той же каре, что и всех остальных. Но визирь со слезами объяснил, что Шахерезада и слушать не желает никаких уговоров: она должна выйти замуж за шаха и умереть. Восхищённый её красотой и отвагой, шах велел слугам приготовить свадебный пир, а палачу — наточить лучший топор, чтобы смерть Шахерезады поутру свершилась быстро и верно. А Шахерезада, обрадовавшись своей участи, призвала к себе младшую сестру Дуньязаду:

— Послушай хорошенько, о сестра, — сказала она. — Сегодня меня отдадут в жёны шаху Шахрияру. После того как он поведёт меня на брачное ложе, я пришлю за тобой, чтобы мы побыли вместе до рассвета, когда меня обезглавят. Ты должна сказать мне: «О сестра, ночь так длинна, нам всё равно не уснуть! Расскажи мне какую-нибудь сказку, чтобы скоротать часы до губельного рассвета». И я начну рассказывать сказку, которая, если будет на то воля Аллаха, спасёт всех нас.

— Я запомню, — пообещала Дуньязага.

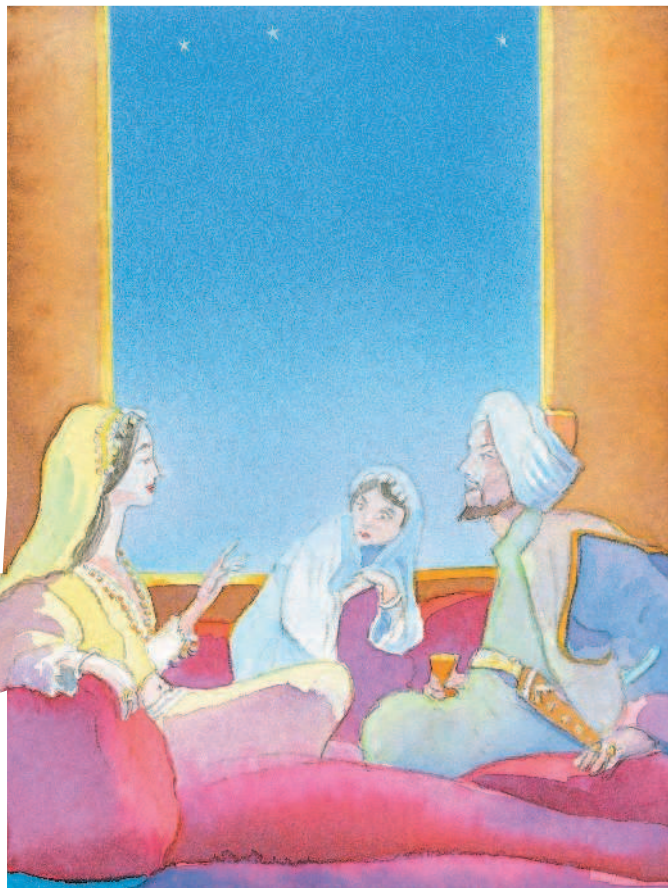
Настал час, визирь привёл Шахерезаду к шаху. После свадьбы шах отвёл молодую жену на брачное ложе, где они сначала предавались утехам, а потом уснули. Но среди ночи Шахерезада проснулась и обратилась к мужу со словами:

— Мой господин, мне не спится — я боюсь рассвета, когда мне предстоит расстаться с жизнью. Прошу, позволь мне послать за моей сестрой Дуньязагой, чтобы она побыла со мной в час испытаний.

Шах дал позволение, а Дуньязага, придя к сестре, сказала:

— О сестра, ночь так длинна, нам всё равно не уснуть! Расскажи мне какую-нибудь сказку, чтобы скоротать часы до губельного рассвета.

— Если позволит мой господин, — отозвалась Шахерезада, и шах, который очень любил сказки, согласился. Сказка, которую начала Шахерезада, называлась...

РЫБАК И ДЖИНН

— Слышала я, о счастливейший царь, будто бы один старый рыбак жил некогда в ужасающей бедности вместе со своей женой и шестью детьми. Каждый день этот рыбак шёл на берег моря ловить рыбу и по своему обыкновению закидывал сеть в воду лишь три, и только три, раза.

Однажды днём спустился он к полосе прибоя, поставил корзину, забрёл в воду и закинул сеть. Когда она опустилась на дно, рыбак собрал верёвки и попробовал вытащить сеть, но сколько он ни тянул, сеть не поддавалась, поэтому он вбил в землю колышек, привязал к нему верёвки сети и нырнул, чтобы посмотреть, за что зацепилась сеть под водой. Наконец он высвободил сеть, вытащил её на берег и увидел, что в неё попался лишь дохлый осёл, прорвавший ячейки.

— Воистину нет иного бога, кроме Всемогущего Аллаха, — сказал рыбак, — однако странно видеть такой улов.

И он закинул сеть во второй раз и опять с великим трудом вытащил её, нырнув на дно. Оказалось, в сеть попала не стая рыб, а никчёмный хлам — большой сосуд, полный ила, песка, черепков и битого стекла.

— Господи! — воскликнул рыбак. — Тебе ведомо, что я забрасываю сеть в море лишь трижды в день. Сегодня я забрасывал её уже два раза, но ты ничего не послал мне. Молю, не оставь меня сегодня без пропитания.

Вознеся молитву Аллаху, он закинул сеть в третий раз и увидел, как она ушла на дно.

Но и в этот раз ему не повезло. Опять ему пришлось нырять за сетью и распутывать её, а потом тащить на берег. Но оказалось, что в сети вновь пусто, если не считать ещё одного старого медного кувшина, формой похожего на огурец и запечатанного свинцом с печатью царя Сулеймана, сына Дауда.

— Хвала и благодать Аллаху! — воскликнул рыбак. — Ибо этот улов принесёт мне десять динаров золотом на базаре в рядах медников. Но сначала надо узнать, какие сокровища таятся внутри. — Он достал нож и принялся распатывать пробку, пока наконец не вынул её, а потом осторожно наклонил кувшин, чтобы посмотреть, что там внутри.

Внутри было пусто. Но пока рыбак удивлённо смотрел на кувшин, гадая, зачем Сулейману или его приближённым вздумалось запечатать пустой сосуд, он вдруг заметил, что из горлышка выходит чёрный дым. Сперва дым стелился над берегом, а потом начал клубиться и наконец поднялся вверх огромным столбом. Дым постепенно сгущался, и мало-помалу из него возникла фигура джинна, который касался макушкой облаков, а ногами упирался в землю. Его голова была величиной с купол, руки были большими, как вилы, ноги длинными, как мачты, рот — как пещера, зубы величиной с надгробные камни, а глаза горели ослепительным огнём, словно две лампы.

— Нет Бога, кроме Всемогущего! — взревел джинн. — Возрадуйся, о рыбак!

Но рыбак не обрадовался, а затрясся от страха. У него застучали зубы, во рту пересохло, и он совсем растерялся.

— Почему ты велишь мне радоваться? — с трудом выговорил он.

— Потому что сей же час ты умрёшь смертью, которую выберешь сам.

— Это почему же? — воскликнул рыбак. — Зачем тебе убивать меня? Ведь это я выловил тебя из моря, вынес на сушу и выпустил из кувшина!

— Не спрашивай, — отозвался джинн. — Спроси себя только, какой смертью ты готов умереть, а меня — как я убью тебя. Ибо ты должен знать, что я — джинн, который прогневал Сулеймана, сына Дауда. Когда я отказался принять истинную веру, он заточил меня в этот кувшин и забросил на самое дно океана.

Узнай также, рыбак, что на океанском дне я пролежал сотню лет, твердя себе: «Всякого, кто освободит меня, я сделаю богатым раз и навсегда», — но никто не приходил ко мне на помощь. И я пролежал всё там же ещё четыреста лет, мысленно повторяя: «Кто бы ни освободил меня, я исполню три его желания», — и всё равно никто не появлялся. Тогда мой новый гнев превзошёл прежний, и я поклялся, что убью всякого, кто освободит меня, но позволю ему самому выбрать себе смерть.

Закончив речь джинна, Шахерезада заметила, что день уже наступил, и умолкла.

— Удивительная сказка, — сказала её сестра Дуньязада.